ЖЕНЩИНА В РАЗВЕДКЕ

РУТ ВЕРНЕР

СОНЯ

РАПОРТУЕТ

Вернер Рут

Соня рапортует

Серия «Женщина в разведке»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8877089
Рут Вернер. Соня рапортует: Издательство «Алгоритм»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0909-0

Аннотация

Книга немецкой писательницы и разведчицы Рут Вернер «Соня рапортует» – это яркая и эмоциональная исповедь автора о своей трудной, полной опасностей, мужественной деятельности на поприще советской военной разведки. Это книга о подвиге и бесстрашии идейного борца и в то же время исповедь женщины, матери троих детей, человека, отдавшего более двадцати лет своей жизни службе коммунистической партии. Это искренний рассказ женщины, отдавшей свою жизнь борьбе с фашизмом. Ради мира на Земле.

Содержание

Часть I 5
Часть II 27
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Рут Вернер
Соня рапортует

© Рут Вернер, 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Часть I

После смерти матери в 1947 году шестеро ее детей, давно ставших к тому времени взрослыми, тщательно разобрали письма, написанные родителям. Каждый взял свои письма.

Мое первое письмо, которое я сейчас держу в руках, написано почерком десятилетней девочки в период Первой мировой войны, в голодном 1918 году, за восемь месяцев до революции в Германии. Из-за сильного истощения меня послали к знакомым в деревню, у которых была дочь, моя ровесница.

Гросмарценс, 30 марта 1918 года

«Дорогая мама! Я очень обрадовалась твоей открытке. Днем я совсем о вас не скучаю, только вечером, когда лежу в постели. Сегодня я беседовала с господином Фингергутом – дедушкой Эрны. Один из его многочисленных вопросов: «У твоего отца большое состояние?». Я ответила: «Да». Потом был ужин. Вначале подали большое блюдо с жареной картошкой. «Эрна управится с ним одна», – сказал господин Фингергут. Сразу же внесли еще одно блюдо. В картошке было четыре яйца и кусочки сала. Картошка плавала в жире. После этого можно было еще отведать желе с ванильным соусом. Объевшись до смерти, я отправилась спать.

Привет от твоей счастливой дочки. Можешь себе предста-

вить: пока я здесь, я съела всего четыре бутерброда, поскольку здесь много других чудесных вещей. Это действительно так».

Летом того же года меня вместе с шестилетней сестрой отправили в детский пансионат на побережье Балтики, принадлежащий городским властям Берлина. Маленькая сестренка, которая еще никогда не расставалась с домом, плакала. Я называла ее Рева.

2 июля 1918 года

«Дорогая мамочка… Рева очень обрадовалась письму, но если бы я каждый раз, когда она начинает плакать, давала бы ей конфету, то во всем Берлине их вскоре бы не осталось ни одной. За столом она больше не сидит рядом со мною, и знаешь почему? Радуется, что я ей теперь не твержу постоянно: «Ты должна есть прилично». Действительно, она всегда обкусывает хлеб по краям, так что толстый кусок масла остается напоследок. Вообще мы едим потрясающе много. Здешняя сестра-хозяйка говорит, что в Берлине нет картошки. Обычно Рева держится молодцом».

Август 1918 года

«Дорогая мамочка, представь себе: Рева поправилась на три, а я на четыре фунта! Хочу тебе кое-что рассказать. От нас должен был отправляться транспорт. Приготовили 600 бутербродов, упаковали и снесли вниз чемоданы. Выезд на-

мечался на утро, но пришла телеграмма, что в Гамбурге якобы бастуют и ехать нельзя. И сейчас еще все сидят здесь. Я уже довольно много беседовала с господином городским советником Рабновом, который сейчас находится здесь. Каждый раз я чувствую себя как на экзамене: такие хитрые вопросы он задает. Господин Рабнов говорит, что всегда считал моего отца «пацимистом». Кажется, он употребил именно это слово; смысл его – за мир.

Дорогая мамочка, соберись с силами – начинаю теперь исповедоваться: мой передник разодран так, что заштопать невозможно. У Ревы платье совсем расползлось, держится на ниточках».

Особенность моих юных лет заключалась в противоречии между большой виллой на Шлахтензее, в которой мы жили, и нашим сравнительно скромным жизненным уровнем. Научная деятельность отца служила интересам рабочего класса. Имя отца – Рене Роберт Кучински, его профессия – экономист. Для столь большой семьи заработки отца были не очень велики. Ситуация еще более обострялась инфляцией, характерной для тех лет. Так мы и жили, довольные всем, но значительно скромнее, чем это можно было бы предположить, глядя на большой дом, приобретенный некогда состоятельным дедом. Со свойственной детям беззаботностью мы частенько подшучивали над бережливостью матери.

А вот письмо, написанное летом 1923 года. Я закончила

школу-десятилетку (лицей), мне было 16 лет, и я достаточно хорошо знала, что такое «пацимист». Началась инфляция. Путешествуя в период школьных каникул, я отправила домой открытку:

11 июля 1923 года

«…Цены здесь такие, что волосы встают дыбом. Мне пришлось одолжить 5 тысяч марок. К счастью, хлеб мы получили по карточкам. Не посылай только шляпу. Если хочешь что-либо послать, то тогда колбасу. Здесь она стоит 15 тысяч марок за четверть фунта. Если будешь что-либо посылать, то тогда по возможности и сахар. Можно обойтись и без него, но очень хочется…».

В августе 1923 года родители уехали. Я писала им из дома:

«Дорогой отец, последнее мое письмо к тебе для меня самое дорогое, поскольку после него вы уже вернетесь домой. Сегодня царит большое возбуждение, вызванное скачком доллара до трех миллионов[1]. Мы ходили за покупками до и после обеда. Многообещающее событие для тебя: «Целендорфер анцейгер» опубликовал первый раздел передовицы «Статистика – это будущее Германии».

Мамочка, у нас нет ни грамма сахара. Это ужасно. Вряд ли он появится и ко дню рождения отца. О муке: шесть талонов я, правда, нашла, но давно их уже использовала: дети

[1] Один доллар стоил тогда 3 миллиона марок

так много едят».

Дети – это мои младшие братья и сестры и мой брат Юрген, который старше меня на 2,5 года.

В 1924 году я стала ученицей в книжном магазине юридической и общественно-политической литературы Р. Л. Прагера по адресу: Берлин, Норд-Вест, Миттельштрассе.

Два года я читала главным образом прогрессивную литературу, видела и понимала богатство немногих и бедность большинства, нищенствующих безработных на уличных перекрестках, думала о несправедливости этого мира и о том, как ее можно устранить. Более ярким стал контраст между моим домом и положением ученицы. Я наблюдала страх взрослых людей перед угрозой увольнения, который охватывал их в конце каждого месяца. Первой жертвой стала моя подруга Марта. Учеником в магазине работал также Хейнц Альтман, член Коммунистического союза молодежи Германии. Он подтолкнул меня к решению вступить в КСМГ.

Ниже письмо, написанное во время отпуска, когда я работала ученицей в книжном магазине.

Август 1925 года

«…Я прекрасно чувствую себя в горах. Здесь так чудесно, что даже не задумываешься об окружающей тебя красоте. Девятичасовой рабочий день у Прагера – все это позади. Работа и Берлин здесь просто забыты. Мамочка, вчера по-

лучила твою открытку. Прошу тебя, забудь об экономии и не наклеивай больше марки ледникового периода истории: теперь здесь другие письмоносцы, чем в те времена, и мне приходится на почте платить штраф.

Юрген мог бы также написать письмо в промежутках между своим «Марксом»[2]. Я получаю очень много писем. Даже контролер билетов вокзала Целендорф-Вест – и тот прислал мне открытку.

Дорогой Юрген, читать одного Маркса скучно, тяжело и непонятно. Я сейчас читаю Витфогеля «История буржуазного общества». Это я понимаю лучше».

Письмо из Шлахтензее родителям, 9 сентября 1925 года

«Дорогие родители, из ваших скудных сообщений почерпнешь немного. К тому же в вашей маленькой открытке чуть ли не половину невозможно прочитать. В воскресенье был Международный день молодежи. Собралось десять тысяч молодых людей – здорово! Когда вы вернетесь?

Отдыхайте подольше. Здесь без вас, я ручаюсь, еще несколько недель все будет в полном порядке. Вскоре в Россию поедет делегация рабочей молодежи. Так что не удивляйтесь, если получите от меня следующую открытку из Советского Союза. К сожалению, о моей кандидатуре речь не идет.

В Коммунистическом союзе молодежи уйма дел. Сразу же

[2] Мой брат писал в то время свою первую книгу – «Назад к Марксу»

после этого письма я сажусь за реферат, с которым выступаю завтра. Тема – «Профсоюзы и работа с молодежью». 75 процентов всей нашей работы должна ныне составлять работа в профсоюзах».

Отпуск на втором году обучения я проводила в Аренсхоопе.

3 августа 1926 года

«Всем! Здесь чудесно. Я живу у одной старушки, снимаю комнату без питания, но с постельным бельем. Это обходится 15 марок в неделю… Напротив меня живет еще один отдыхающий. Чтобы не было недоразумений с единственным ключом от входной двери дома, я пробираюсь в свою комнату через окно.

Тетя Алиса[3] очень мила со мной, но наряды ее ужасны. На ее выходном платье сзади 24 пуговицы, которые мне постоянно приходится застегивать. Здешняя публика: примерно пятьдесят отдыхающих, половина – читатели местной бульварной прессы[4] и шестеро – газеты «Фоссише цейтунг»[5] – органа буржуазно-демократических кругов, предназначенного

---

[3] Тетя Алиса, сестра отца, была убита вместе со своим мужем в концлагере Терезиенштадт незадолго до окончания Второй мировой воины.

[4] «Локаль-анцейгер» – реакционная газета, издававшаяся концерном Гугенберга

[5] Буржуазная газета, издававшаяся концерном Ульштейна.

для сельского населения».

В последующие годы отец ежегодно проводил по шесть месяцев в США, где занимался исследованием американского финансового капитала. Поскольку мать уезжала с отцом, одна наша знакомая взяла на себя заботы о доме, и в те месяцы я стала «главой семьи». Когда мой брат Юрген в 1926 году уехал учиться в США, поток писем в Америку возрос.

Шлахтензее, сентябрь 1926 года

«Дорогая мамочка! Это мое первое письмо в Америку. Могу только верить, что твоему материнскому сердцу интересны и те мелочи, которые произошли двенадцать дней тому назад. Собственно, все идет нормально. Для тебя это должно стать доказательством того, что и без тебя все в доме идет своим чередом. Рени[6] становится все более комичной. Глядя на нее, все улыбаются. Скажи отцу и Юргену, что вчера во Дворце спорта был митинг протеста против сделки с Гогенцоллернами. Две тысячи участников. Тысячи не попали. Выступал Ледебур[7], говорил так, что было слышно в самых дальних рядах. После него выступали Тельман, Фридлендер от Социалистического союза врачей, Виль-

[6] Рени, которой в то время было 3 года, родилась, когда мне было 16 лет. Я ее очень любила

[7] Георг Теодор Ледебур (1850–1947) – один из основателен Независимой социал-демократической партии. С 1924 года занимал руководящие посты в Международном союзе рабочей взаимопомощи

гельм Пик, Анна Шульце, член делегации Социал-демократической партии Германии, выезжавшей в Россию. Если бы отец был здесь, он бы наверняка тоже выступил. Впечатление огромное».

Отец был председателем Комитета по конфискации собственности князей, который в июне 1926 года организовывал и направлял кампанию народного плебисцита против выплаты компенсации князьям.

В мае я стала членом коммунистической партии. Весной этого года КПГ проводила огромную работу по организации народного плебисцита. После того как я за один месяц 24 вечера была в разъездах, мать попросила отца серьезно поговорить со мной. Когда он начал упрекать меня за то, что я вечерами не бываю дома, я сказала: «Папа, это все ради твоего плебисцита». Мы взглянули друг на друга и рассмеялись.

Сентябрь 1926 года

«Дорогая мамочка, Рени в центре внимания всего дома. Ты, как мать, много теряешь, не имея возможности видеть, какими восхитительными и совершенно иными стали ваши дети. С той поры, как ты уехала, дети ведут себя очень хорошо.

Так хорошо быть с малышами, что, если бы не партийные дела, я бы с удовольствием оставалась дома. Малыши меня любят, обижаются, когда я долго отсутствую.

Мы все надеемся, что мама перестанет наконец утомлять себя заботой о доме: когда запасаться углем, какие средства использовать для уборки комнат, как поддерживать отношения с родственниками и т. д.».

Шлахтензее, 20 сентября 1926 года

«Дорогой Юрген! Очень много работы. Готовимся к 7 Ноября. Разучиваем с товарищами из Целендорфа хоровую декламацию. В воскресенье состоялась массовая демонстрация и собрание по случаю 25-летия со дня создания профсоюзного интернационала – Амстердамского.

«Коллеги» из СДПГ довели меня до бешенства, когда появился один из профсоюзных функционеров с намерением вырвать плакат, который мы несли в своей колонне. Несмотря на всеобщий протест, он схватил его и растоптал. На плакате было написано: «Вступайте в профсоюзы, поднимайтесь на классовую борьбу». Для господ это звучало слишком радикально. И по другим вопросам их позиция просто невероятная. Если у нас в партии выступает молодой коммунист и говорит дельные вещи, то к его высказываниям относятся точно так же, как и к словам ветеранов. В профсоюзах такого сразу обрывают на полуслове, причем звучит это так: «Мы уже столько лет в профсоюзе, сколько тебе от роду, так что же ты хочешь?». Глупо писать тебе о подобных мелочах в Америку, но я очень всем этим поглощена. О чем я должна писать, как не о том, что меня занимает?».

Юргену, сентябрь 1926 года

«Вчера был твой друг из банка[8]. В половине десятого вечера он пришел, а в двенадцать ушел с решением вступить в Коммунистический союз молодежи. 21 сентября он впервые пойдет вместе со мной… Когда мы заговорили о рабочем движении, то я похвалила деятельность Организации друзей природы, но в заключение сказала: «Мне думается, что если сознаешь необходимость классовой борьбы и революции, то надо вступать в организацию, которая непосредственно ведет классовую борьбу, идет кратчайшим путем к революции». Я откровенно рассказала ему о недостатках КСМГ, постаралась выбить из него свойственный ему идеализм, снабдила его грудой материалов. Не знаю, найдет ли он себя?».

Юргену, октябрь 1926 года

«…Твое письмо пришло в хороший час – это означает, что оно пришло в плохой час и очень меня обрадовало. По пути домой до Штеглица со мной был Рольф[9]. Мы говорили о России, пролетарской революции и т. д. Когда он высказывался в том плане, что рабочие неспособны что-либо создать, то есть когда вообще подвергал сомнению социализм, то меня

[8] Друг из банка, Герхард Дегенхардт, был подлинным коммунистом. В годы нацизма он был арестован. После освобождения был на нелегальной работе. Погиб в войну в штрафном батальоне № 999

[9] Рольф, мой друг, старше меня на четыре года, выходец из буржуазно-либеральной семьи, изучал архитектуру в Берлине

это волновало и я возражала ему. Очень трудно вести дискуссию, так как все его взгляды определяются эмоциями и лишены малейшего научного фундамента по такому вопросу, как коммунизм. Для него это лишь различие во взглядах, как это бывает при оценке той или иной книги или картины. Для меня же речь идет о самом важном, о мировоззрении. В такие минуты он мне чужой. При прощании мы даже не пожали друг другу руку. Я была столь ошарашена, что забыла сойти в Целендорфе и в полночь прошлась по чудесной дороге вокруг озера Шлахтензее. Ночная погода была великолепной, и я успокоилась. Дома я застала твое письмо. Затем я обложилась произведениями Сталина – все, что у меня было, – и выписала ясные и четкие цитаты о диктатуре пролетариата и социализме. Это заняло много страниц. Сегодня я их отдала Рольфу».

29 октября 1926 года

«Дорогой Юрген! Недавно мы были в Государственной опере. Смотрели «Разбойников», режиссер – Пискатор. Нечто совершенно новое. От Шиллера осталось не так уж много. Гениальная режиссура. Рольф также был восхищен. Оппозиция в партии, в России, Троцкий и т. д., кажется, окончательно подавлена. Наши депутаты в рейхстаге вели себя хорошо при обсуждении вопроса о компенсации собственности Гогенцоллернов.

Комитет Кучинского не пошевелил и пальцем, если не

считать глупого письма. Социал-демократы – это просто… Извини, но трудно скрыть яростный гнев.

Празднование 7 Ноября в Целендорфе в этом году пройдет очень хорошо, жаль, что ты на нем не будешь. На следующей неделе вышлю тебе брошюру «Проблемы пролетарской диктатуры». По теме этой брошюры во всех берлинских округах, даже в Целендорфе, будут организованы занятия».

5 ноября 1926 года

«Дорогая мама. Вчера пришло ваше письмо. Спасибо за него, несмотря ни на что, дела у вас идут блестяще. Это видно из письма. Здесь у нас все отлично. Если бы ты видела, какой цветущий и здоровый вид у твоих малышей, то все бы твои заботы исчезли. Не удивляйся, что в этом письме о них так мало упоминается. Я слишком переполнена приближающимся 7 Ноября. В Линденпарке состоится митинг памяти героев русской революции. Будет много народу. Красные плакаты трепещут на домах Целендорфа. Помимо изучения пьесы, я еще участвую в самодеятельности: играю русскую крестьянку. Играю руководительницу международного конгресса, проходящего в России. Дирижирую передвижным хором. Играю в массовых сценах. Всего нас 40 человек актеров. Каково-то мне, слабой девушке, навести порядок. Однако благодаря нашему энтузиазму это не так-то и сложно – все до предела захвачены своими ролями».

Шлахтензее, 9 ноября, день «славной» германской революции:

«Празднование 7 Ноября вылилось в сплошной успех. Линденпарк, самый большой зал в Целендорфе, был переполнен. Наши играли превосходно. В Целендорфе-Митте ко мне на улицах подходили незнакомые люди и жали руку – так все было прекрасно. Художник Ф. был также здесь. Он подарил мне очень красивую картину в красках, надписав: «Мужественной девушке».

И еще: Бригитте[10], Пчелке и мне необходимы новые зимние пальто. Мы, правда, сшили Пчелке пальто из материала, который ты видела, но для Бригитты его не хватило, так как он очень сел, поскольку материал очень старый и расползается по всем швам. Так что подскажи, сколько можно истратить на зимнее пальто. Мои письма Юргену я должна направлять непосредственно ему самому, чтобы не ранить как-либо свои и его чувства.

Я не представляю себе, что делает отец в «Коунсиле». Если эта работа сводится к поглощению устриц и контакт там с владельцами трестов, то мне больше по душе его деятельность периода борьбы за народный плебисцит в Германии».

15 ноября 1926 года

«Дорогой Юрген!.. Завтра последнее занятие на партийных курсах, на которых я обучалась. Факты я усвоила уже по-

[10] Бригитте было тогда 16 лет.

сле прочтения книг. Однако мне многое дала сама форма организации работы подобного курса. Сейчас я регулярно бываю в Молодежной коммунистической организации Штеглица. Здесь в партии ничего особенного не делается. Чем больше нужда, тем ближе родня. Иными словами, твой доллар подоспел кстати. Он дал мне возможность дважды сходить в кино с одним безработным товарищем. Смотрели русские фильмы «Сын гор» и «Черное воскресенье 1905 года». Оба фильма хорошие, но с «Потемкиным»[11] сравнить нельзя. Далее, была на празднике Союза красных фронтовиков, танцевала с восьми вечера до трех часов утра. Ни одного танца не пропустила. Веселилась невероятно. Приобрела книгу художника Мазереля, в которой 165 иллюстраций, она вышла в народном издании и весьма дешева.

Почему вы настраиваете маму против нас? Я разделяю твое мнение о ней как о чудесной женщине, которую можно любить независимо от того, что она наша мать. Однако прошло то замечательное время свободы, когда я в половине двенадцатого ночи уходила от Рольфа и, счастливая, садилась в автобус. К тому же без отца мать всего лишь «полчеловека».

Недавно один из друзей Дегенхардта написал письмо, в котором просит разъяснить, что такое коммунизм. Дегенхардт рассказал ему обо мне. Как-то вечером мы встрети-

---

[11] Речь идет о фильме «Броненосец “Потемкин”», который имел огромный успех в Германии. – Прим. Ред.

лись. Он купит ряд книг, которые я назвала. При этом мы съели три молочные шоколадки «Корос». Рольф подарил мне плитку шоколада. Но он ее не покупал. Такие глупости мы не делаем. Но если ему кто-либо что-то дарит, то он всегда делится со мной.

Рольф вступил в организацию «Красная помощь». Само собой разумеется, что он был бы рад любой победе КПГ, что он готов поддерживать нашу партию делами, деньгами, покупкой партийных марок и т. д. Более чем иные товарищи он следит за тем, чтобы я повсюду бывала. Что-то из-за него не доделать – он, как и я, считает это невозможным. Быть со мной – коммунисткой – для него многое значит. Итак, здесь проблем и препятствий нет. Для меня, коль скоро мы будем жить вместе, его вступление в партию лишь вопрос времени, правда, это может случиться не раньше, чем через два года.

Вышла книга Сталина «Вопросы ленинизма». Должно быть, очень важная книга, к сожалению, стоит она 4 марки 30 пфеннигов. Может, мне следует послать ее тебе на рождество?.. Мне, несчастной идиотке, потребовалось три часа, чтобы прочитать двадцать страниц «Вопросов ленинизма». К тому же шесть записок с вопросами заложены мной в эти страницы».

Юргену, 9 декабря 1926 года

«На полу куча незаштопанных чулок, на столе АИЦ[12] и

[12] «Арбейтер иллюстрирте цейтунг» – популярная рабочая газета

начатая книга Полгара «Небесный оркестр». Рядом – портфель с материалами для подготовки к вечеру памяти Люксембург – Либкнехта – Ленина, который состоится в середине января. За это я возьмусь после того, как закончу письмо. Я теперь возглавляю агитпроп партийной организации 10-го района. Предстоит организовывать массовое мероприятие, но не так, как мы это делаем 7 Ноября, а вечер на более широкой общественной основе. Это позволит установить более глубокие контакты с сочувствующими».

17 января 1927 года

«Дорогой Юрген, в последние дни многое произошло. Костюмированный праздник под девизом «Прочь от грязи и хлама». Мне было очень весело. Мой костюм: ярко-красные, блестящие, тесно облегающие брючки, узкий китель, стоячий воротник. Кое-кто утверждает, что я поцеловала 20 парней, но если не считать Рольфа, то таковых наберется не больше 19.

Утром, в половине седьмого, в воскресенье, я была дома. Через два часа я уже выехала в Берлин на курсы, организованные партией при прусском ландтаге. Это центральные курсы, работают они каждое второе воскресенье с 9 утра до 4 часов дня. Потрясающе! Видишь ли, мне повезло, что я работаю в таком маленьком районе, как Целендорф. Где бы что ни происходило, посылают меня. Из каждого района на этих курсах обучается только по одному человеку. В Штег-

лице, втором по величине районе, более двухсот коммунистов. Там бы меня наверняка не послали. Прилагаю твою членскую книжку «Красной помощи». Ты наверняка сможешь выплачивать взносы в Вашингтоне. Герда Дегенхардта я вижу примерно раз в месяц».

2 апреля 1927 года

«Итак, дорогой брат Юрген, о моей работе у Ульштейна ты уже узнал. Сегодня второй день моей работы в отделе журналов и архиве отдела пропаганды. Адрес: Кохштрассе, 24, 4-й этаж.

Я очень рада новой партийной работе, которая мне предстоит в здешней первичной организации. Ты пишешь, что будешь издавать книгу, которую наверняка с интересом будут читать рабочие. Мне было трудно понять статью. Тем же, кто разбирается в экономике хуже меня, будет еще труднее. Пиши проще, короткими фразами. Тебе не следует упрощать свои идеи, но в то же время надо стремиться к простоте изложения, с тем чтобы каждый мог понять. Подчас текст лишь усложняется, когда его для большей убедительности повторяют в двух-трех фразах, меняя лишь форму и структуру фразы.

Не удивляйся моим придиркам. Во-первых, я по сравнению с тобой лишь жалкий любитель, и, во-вторых, видимо, не следует подчеркивать, что я первая всегда восхищаюсь твоим талантом и считаю тебя человеком особенным».

13 мая 1927 года

«Дорогой брат, благодарю за подарок ко дню рождения. Надеюсь использовать его сообразно с твоим вкусом: куплю себе купальный костюм, поскольку ты, как обыватель, не признаешь купания в голом виде. В воскресенье во Дворце спорта состоялся митинг организации «Красная помощь». Надо пополнить мой запас бумаги для писем, дабы не грабить фирму «Ульштейн», к тому же в рабочее время. И книги, книги и еще раз книги.

…В политическом плане я на всех этих мероприятиях не очень перегружена, тем не менее достаточно активна. 14 дней назад через издательство «Ульштейн» в «Роте фане» был опубликован мой комментарий, 1200 экземпляров которого раздавались затем бесплатно у подъездов и имели некоторый успех.

Странное это чувство – знать, что послезавтра тебе исполнится 20 лет».

Юргену, 26 августа 1927 года

«Теперь о самом радостном событии последнего времени. Отец наверняка уже упоминал о библиотеке, купленной у Артура Холлитчера[13]. Чудо – скажу я тебе! Почти все вещи издательства «Шмиде», например серия «Отщепенцы обще-

[13] Леворадикальный писатель. Друг Советского Союза. Посещал отца в доме на Шлахтензее. Умер в 1941 году

ства». Многие вещи издательства Фишера. Примерно пять томов Вассермана, пять томов Томаса Манна, весь Фонтане – десять томов. Произведения Ларисы Рейснер, Шоу, Эптон Синклер, Голсуорси. Все тома протоколов Коммунистического Интернационала. Много номеров «Нойе рундшау» – пока я их еще не разобрала.

Библиотека внизу полностью заполнена. Мама была вне себя от этой покупки книг и полагает, что после таких расходов нам придется жить впроголодь».

Юргену, сентябрь 1927 года

«Вчера была первая репетиция к празднованию в Целендорфе. 7 Ноября – 10-летие Советской России. Два месяца работы с целендорфскими товарищами принесут мне много радости. Обычно же я работаю здесь, в Берлине, в первичной парторганизации. Все свободные вечера я провожу на озере. Мне думается, что я могу жить в самых скромных жилищных условиях, но без природы обойтись не могу. Лучше ежедневно часами добираться до города, до этого нагромождения домов, давиться, мучиться от жары в автобусе и электричке, добираться затем в темноте и одиночестве домой, но затем иметь хотя бы полчаса, чтобы выбраться на природу…»

Отец возглавил делегацию на празднование 10-летия русской революции. Членами этой делегации были Иоганнес Бехер и Кетэ Кольвиц.

Юргену, 20 ноября 1927 года

«…Отец вернулся из России. Его приезд вызвал много радости. Рано утром мы с матерью встретили его на вокзале. Надо было видеть, как они встретились! Пожалуй, в этот момент окружающие за десять миль могли почувствовать, как любят они друг друга. Причем внешне все выглядело обычно, только описать это невозможно.

Самым важным для меня была первая фраза, сказанная отцом: «Раньше я никогда не понимал, почему Англия хочет войны с Россией. Теперь я это понимаю и нахожу позицию Англии оправданной: ни одно капиталистическое государство не может видеть, как расцветает и из года в год добивается новых успехов страна не капиталистическая, а коммунистическая». Я почти ревела от радости. Как было бы ужасно, если бы отец не признал все то, что происходит в России!».

В 1928 году моя политическая деятельность стала известна братьям Ульштейн. Кажется, это был Герман Ульштейн, который в беседе со мной заявил, что я должна уволиться, поскольку на демократическом предприятии коммунисты лишены возможности продвижения по службе. Мне были известны некоторые сотрудники, члены национал-социалистской партии, которые могли «продвигаться по службе». Итак, я оказалась без работы. Отец предложил мне поехать

в США. Я проработала несколько лет в одном книжном магазине в Нью-Йорке. В это же время Рольф закончил учиться на архитектора. Я возвратилась домой, и в 1929 году мы поженились. Работу я найти не могла.

Незадолго до этого Юрген женился на Маргарите – молодой эльзаске, к которой мы все очень хорошо относились. Она была настоящая ученая – скромная, умная и образованная. Письмо, написанное мной Юргену и Маргарите в мае 1930 года из Берлина, говорит о том, что я совсем не представляла, какие коренные изменения наступят в моей жизни через несколько недель. Я поздравила их обоих с переводом на русский язык книги, которую они вместе написали («Фабричные рабочие в экономике Америки»). В письме я просила узнать, какие издания биографии Маркса имеются в Америке, и упоминала о том, что намереваюсь прочесть «Историю социализма» Веера.

Сделать это я уже не смогла.

Часть II

Мы с Рольфом часто говорили о том, как чудесно было бы повидать мир. Плохое экономическое положение в Германии усиливало наше желание. Поэтому мы попросили хорошего друга Рольфа Вальтера, работавшего в Китае в качестве представителя одного большого немецкого концерна, разузнать что-либо для нас.

Однажды от Вальтера пришла телеграмма: как следует из газетного объявления, английской администрации городского управления требуется архитектор. Это было английское учреждение, управляющее значительной частью Шанхая. Рольф направил телеграмму с предложением своей кандидатуры. Она была одобрена с условием начать работу немедленно.

Меня воодушевляла перспектива работать в качестве немецкой коммунистки вместе с угнетенными товарищами в Китае. Я информировала Центральный Комитет нашей партии, который был поставлен в известность и о моем пребывании в США. Должно быть, товарищам показалось странным, когда я бесцеремонно и вместе с тем наивно сделала им это предложение. До сих пор я совсем ничем не выделялась. Товарищи говорили со мной о серьезной ситуации в Китае, о соблюдении строгой конспирации, об опасностях, которые угрожают там каждому коммунисту.

В ходе второй беседы мне было сказано, что по прибытии в Шанхай со мной будет установлена связь. Я оставила адрес Вальтера, у которого мы поначалу собирались жить. Так как оформление архитектора на службу должно было производиться в Шанхае, нам не оплатили проезд, как это обычно делается при выезде на работу за границу. Да и договор о найме вступал в силу лишь после длительного испытательного срока. Путешествие поглотило наши последние гроши. Если бы в Шанхае все сорвалось, то у нас не было бы денег на обратный путь.

В июле 1930 года мы покинули Германию. Мы доехали до Москвы и оттуда транссибирским экспрессом до восточной границы Советского Союза. Мы ехали не первым классом, как все иностранцы. В целях экономии мы питались также не в вагоне-ресторане, а тайно разогревали себе суп из пакетов на маленькой спиртовке на полу вагона. Кроме того, у нас был хлеб, копченая колбаса и сало.

Мы много играли в шахматы, я лежала на верхней полке, за окном мелькали ландшафты: Урал, города Свердловск, Омск, Иркутск, прекрасный Байкал, степь и бесконечные березовые леса. Мне очень нравились непредвиденные остановки в пути. Как-то мы два часа простояли на лесной опушке. Ступени вагона были слишком высоки, чтобы спуститься на землю, однако все жаждали движения и свежего воздуха. Из всех вагонов повыпрыгивали мужчины, женщин они под-

хватывали на руки. Кто-то играл на губной гармонике, начались танцы. Мы смотрели на все это и тоже начали танцевать, тронутые сердечностью и радостным настроением людей.

В Маньчжурии начался восточно-китайский участок железной дороги, в Чанчуне – южно-маньчжурская линия. Мы доехали до Дайрена и оттуда на пароходе примерно тысячу километров до Шанхая.

По прибытии в порт я была потрясена масштабами эксплуатации и нищетой. Ничего подобного я никогда не видела. Грузчики поднимались из трюма корабля и так тесно шли друг за другом по перекинутым через набережную мосткам, что их бамбуковые палки, на которых были подвешены тяжелые грузы, почти касались одна другой. Пот струился по их голым спинам, на шее, на лбу и ногах проступали разбухшие вены. До пассажиров доносился запах чеснока и пота, исходящий от этого человеческого конвейера. Джонки окружили наш пароход. Инвалиды, безногие и безрукие, дети с гноящимися ранами, некоторые из них слепые, некоторые без волос, со струпьями на голове умоляюще протягивали к нам руки.

На набережной стоял Вальтер в светлом полотняном костюме и тропическом шлеме рядом с элегантной женой, которая держала в руках огромный букет цветов по случаю нашего приезда. В доме нас встретил слуга-китаец; в белых перчатках он подал к столу прохладительные напитки. Мы жили у Вальтера. В двух наших комнатах стояла удушающая

жара. Москиты облепили сетку кровати. Наступила первая ночь в чужой стране.

Рольф занимал очень видное положение, нас часто приглашали в гости, и мы должны были отвечать взаимностью. Меня навещали дамы, ожидавшие ответных визитов. Это был чужой для меня мир, который я ненавидела и который резко контрастировал со всей моей прошлой жизнью. Я не противилась всему этому, так как понимала: если я, как коммунистка, хочу начать нелегальную работу, то внешне буржуазный характер жизни служил бы надежным прикрытием. Недели и месяцы я ожидала известий от партии.

Из писем домой:

«…Если не работать, то для людей моего типа, привыкших к труду, Шанхай – скучный город. Дома делать нечего: все делают бой-слуга, повар и кули. Жара такая, что боишься пошевелиться. Это не палящая жара, а влажная. Потеешь просто фантастически: пот не проступает каплями, а просто течет по тебе».

«Субботы и воскресенья мы проводим у доктора Вильгельма, известного адвоката. Часть гостей играет в теннис, другие располагаются в саду на шезлонгах; гостям подают чай, виски-сода, фруктовые напитки. Одно из любимых выражений доктора Вильгельма – «люди низшего класса». Например: «Бывать там не рекомендуется, туда ходят только

“люди низшего класса”». Ничего не скажешь – вот так».

«…Еще одна жалоба в адрес европейцев. Дамы – роскошные кошечки высшего класса. Не работают, домашним хозяйством не занимаются, интереса к науке и искусству не проявляют; даже о своих детях и то не заботятся. Мужчины несколько лучше, поскольку имеют профессию, хотя бы немного работают… Вчера за чаем… Впрочем, все одно и то же. Я уже испытала это несколько раз с немцами, русскими белогвардейцами-эмигрантами и с американцами. Вначале поболтают немного о бридже, затем о последних собачьих бегах. Потом разговор доходит до последнего фильма. За исключением одного кинотеатра, все наводнено американскими звуковыми фильмами, большей частью фильмами-ревю или с пением. Содержание самое идиотское. Впрочем, здесь этими фильмами все восторгаются».

«…Новая очень любимая и популярная игра в Шанхае – вегольф. Нам бы еще научиться играть в бридж и ма-лонг, покрикивать на слуг – вот мы и стали бы стопроцентными шанхайцами…»

«…Бернштейн (из Бреслау) – холостяк и не без странностей. В период войны 1914–1918 годов он пережил, как он сам говорил, «лучшие годы своей жизни» в качестве гражданского пленного в Британской Индии, где он провел вре-

мя с друзьями, хорошо питаясь и занимаясь спортом. Когда кончилась война, они откомментировали это так: «разразился мир». Для него важна проблема – хорош или плох человек сам по себе. Он не понимает, что существуют люди, для которых значительно более важен вопрос, хватает ли еды. Бернштейн продает большими партиями паровозы, что дает немалый «навар» фирме «Оренштейн и Коппель». Берлинские рабочие окрестили эту фирму «Ореншмальц и Попель» (игра слов, в точном переводе – «сало из ушей и сопли»).

«…Учитель Кук – молодой человек, гладко причесанный блондин с пробором посередине, с большими круглыми глазами в роговых очках. Когда-то он хотел стать животноводом, а сейчас «пасет» детей в немецкой школе в Шанхае. В первой половине дня каждого воскресенья он идет на концерт городского оркестра, сосредоточенно слушает, жуя при этом инжир. Каждое воскресенье после обеда он играет в хоккей за немецкую команду против длиннобородых и тонконогих индийских полицейских. Есть еще здесь и супружеская чета Канн. Она – душа здешнего немецкого театрального союза. Он, по профессии биржевой маклер, душа артистического клуба. Лучше бы уж он занимался своим маклерством, так как клуб, к сожалению, ничего интересного предложить не может. Было бы иначе, Рольфу там бы понравилось».

«…Доктор Зеебом – служащий фирмы «ИГ Фарбен»[14]. Где-то в Германии у него богатые родственники с поместьями, замками или чем-то в этом роде. Обладает 300 граммофонных пластинок, участвовал в фильме «Чудо лыжни». У него стеклянный глаз, свой глаз потерял во время автогонок. Он любит Рольфа, немногословие, спокойствие и уравновешенность которого оказывают сильное влияние на этого вздорного человека. В воскресенье мы были приглашены к профессору Штумпфу – инженеру, работающему в германо-китайском университете. Он основал здесь «Немецкое братство по оружию». Недавно женился и к свадьбе получил телеграмму от его величества Вильгельма II. Думаю, если мы к ним пойдем, будет скандал».

«…Недавно были на коктейле у Унгер-Штернбергов. Она – сестра графа Кайзерлинга. Оба рафинированные интеллигенты и сверхпородистые по происхождению (брат Унгер-Штернберга – балтийский барон, белогвардеец, замешанный в шпионские авантюры реакции)».

«…Я писала вам о том, как Рольф выступал в роли режиссера спектакля Цукмайера «Капитан из Кёпеника». Все участники спектакля работали с воодушевлением. Последовало, однако, письмо от генерального консула Рюдта фон

[14] Фамилия Зеебом известна в Западной Германии. Ее члены и сегодня связаны с «ИГ Фарбен»

Калленберг-Бёдинхайма с просьбой не ставить спектакль. «Отвратительный спектакль, – говорилось в письме, – театральный союз должен стремиться к более высокому уровню. К тем беднякам, которые в этом спектакле показываются, можно испытывать не сострадание, а только отвращение».

«…Невероятное письмо. Рольф и Вальтер выступили с протестом. Театральный союз не осмелился поставить спектакль, а переубедить старого болвана было также невозможно».

«Вчера вечером были у Честерфрицев. Он владеет здесь крупнейшей фирмой биржевых маклеров. Американец и сказочно богат».

«…В субботу мы пригласили на чай симпатичного японца Мацумото, который живет у Бернштейна и работает представителем фирмы «Уфафильм» (по нашему мнению, он работал по заданию своего правительства). Были также Велинг и Зеебом от «ИГ Фарбен», Корф – глава фирмы «Мельхерс» и доктор Фогель – президент немецкой торговой палаты в Шанхае. По своему интеллекту Фогель и Корф выше здешнего среднего уровня. Мы намереваемся совершить с ними семейное путешествие на лодках. Джимсон – руководитель группы инженеров фирмы «Симменс-Гальске», холостяк с причудами, посылает нам удобрения для цветов в нашем са-

дике. Цветы – это его хобби. Мирамс – англичанин, коллега Рольфа, к нашим сэндвичам не притрагивался, поскольку они приготовлены не по английскому образцу.

Тонн и Плаут – из «Трансокеанской нью-йоркской службы сервиса» и один американец по имени Зауэр – из фирмы «Симменс-Гальске». Его жена, родившаяся здесь португалка, рассказала следующую историю: на прогулке за городом она заговорила с одним крестьянином. Он сказал: «Вы говорите по-китайски, а ваш муж знает всего три слова. Давно ли он в Китае?». «Тридцать лет», – ответила она. С удивлением крестьянин сказал: «Значит, требуется десять лет, чтобы выучить одно китайское слово».

«…Ты радуешься, что я себя хорошо веду здесь в обществе. К сожалению, об этом нельзя даже сказать: с волками жить – по-волчьи выть, скорее: жить с баранами и блеять вместе с ними».

Когда часть этих писем была написана, подлинное содержание моей жизни коренным образом изменилось. Однако об этом ниже, а сейчас я вновь возвращаюсь к первым неделям и месяцам пребывания в Шанхае. В первые недели наряду с жарой, скукой и моими затруднениями с шанхайским «обществом» меня мучило отсутствие каких-либо контактов с китайским народом. Мне претили грязь, бедность и жестокость. Мое стремление к братской солидарности, мои усилия

хорошо относиться к людям терпели крах. Я спрашивала себя: может быть, я только теоретически коммунистка, которая на практике оказывается несостоятельной, если эта практика отличается от того, к чему она привыкла дома. Положение мое усложнялось еще и тем, что я себя постоянно плохо чувствовала. Меня каждый день рвало, и я все больше и больше худела. Врачи опасались, что я не переношу местного климата, и все мои недомогания объясняли именно этим. Лишь в октябре здоровье мое улучшилось. Правда, я начала чувствовать какое-то «движение в кишечнике». Доктор установил, что «двигается» не кишечник, а ребенок. Я была на пятом месяце беременности, никто из врачей не удосужился обследовать меня именно по этому поводу. Теперь я радовалась тому, что «судьба» распорядилась иначе, чем мы это планировали, и что через четыре месяца у меня будет ребенок. Как только стало немного прохладней, я начала ходить по улицам, а в свободные дни мы с Рольфом совершали вылазки за город. Я много читала, изучала китайский язык и радовалась достигнутым успехам. Постепенно я привыкла к стране, узнала характер ее людей, познакомилась с красотами природы, наслаждалась культурой Китая. Однако прежде всего я пыталась глубже понять политические события в стране.

28–30 октября 1930 года

«…Вчера, в воскресенье, мы на автобусе выехали недале-

ко за город. Среди китайцев мы были единственными европейцами. У реки мы вышли из автобуса и обнаружили прекрасные места. Здесь и там были видны небольшие деревни и дома крестьян, бамбуковые леса и хлопковые поля.

В Шанхае более трех миллионов жителей. В иностранных кварталах города живут 48 тысяч иностранцев и 140 тысяч китайцев. Кроме того, в китайской части города, Чапэй, живет еще миллион шестьсот тысяч китайцев. Среди иностранцев примерно 180 тысяч японцев[15], 6 тысяч русских эмигрантов-белогвардейцев, 7900 англичан, 1400 французов, 1800 американцев, 2 тысячи индусов, 1300 португальцев, 1400 немцев. Между делом я изучаю различные стороны жизни Китая. Коммунисты имеют здесь наиболее сильные позиции в трех так называемых красных провинциях, территория которых равна территории Германии и численность населения которых точно соответствует населению Германии. Они управляются народным правительством. Земля в деревнях общая, амбары риса также, помещичья собственность ликвидирована и т. д. Красная армия в этих провинциях насчитывает в целом 190 тысяч бойцов, за ними стоят миллионы организованных жителей города и деревни.

…Два месяца тому назад Чан Кайши начал крупную «кампанию подавления красных», которая в апреле должна

[15] Значительно большая часть японцев жила в районе за чертой иностранных кварталов

была завершиться уничтожением всех красных. В этих целях в поход на красные провинции были направлены правительственные войска численностью 390 тысяч солдат.

…Иностранные державы поддерживают, естественно, Чан Кайши. Из 121 находящегося здесь иностранного военного корабля значительная часть дислоцируется на реке Янцзы и совместно с китайским флотом обстреливает подразделения Красной армии на реке и берегах.

…Для понимания здешней обстановки необходимо также учитывать, что центральное правительство в Нанкине (Чан Кайши) не имеет никакой власти во многих провинциях – значительная часть страны управляется и облагается налогами лично генералами. Каждый такой генерал имеет своих собственных солдат, и войны этих генералов между собой опустошают страну. Есть районы, где нанкинские и «независимые» генералы ничем не отличаются друг от друга – одинаково, например, эксплуатируют население подчиненных им провинций. Их солдаты в равной мере влачат нищенское существование».

У меня по-прежнему не было связи с партией. Я намекнула брату, что, видимо, товарищи в Германии ничего в этом направлении не предпринимают. Теперь я надеялась на какой-либо ответ. Хотя замужней европейке жилось в Китае

неплохо, я жаждала деятельности и оставила свои попытки лишь после того, когда узнала, что у меня будет ребенок. Именно в этот момент появилась возможность работать.

21 октября 1930 года

«Радостная новость. Я получила интересную работу, которой занимаюсь половину дня. Я как-то упоминала о Плауте – руководителе телеграфной Трансокеанской службы Киомин. Вначале я привела ему в порядок политический архив – вырезки из немецкой и английской прессы…»

30 октября 1930 года

«Моя работа по-прежнему меня интересует. Плаут большой делец, но он действительно один из крупнейших знатоков Азии и Китая. Из этого я извлекаю пользу для себя, задавая ему целенаправленные вопросы, на которые он подробно отвечает – в политическом плане, разумеется, односторонне».

Через Плаута я познакомилась также с рядом журналистов, в том числе с представителем ТАСС. Мне было до слез обидно общаться с этим товарищем в качестве представительницы буржуазного общества. Был момент, когда я подумала, почему бы тебе не пойти к нему и не рассказать ему, что ты коммунистка и чувствуешь себя всеми покинутой. Однако у меня хватило ума не сделать этого. Плаут знал в

Шанхае американскую писательницу Агнес Смедли. Будучи в Германии, я с большим интересом и волнением прочитала ее книгу «Одинокая женщина», в которой она описывает свою жизнь, полную горькой нужды. Агнес была дочерью неквалифицированного рабочего, который не умел ни читать, ни писать. Деньги на учебу она зарабатывала как посудомойка и сборщица табака. Впоследствии Агнес многие годы проработала в Берлине в Университете Гумбольдта. Она жила в Индии и принимала там участие в революционном движении. Еще в Берлине в году 1929 или 1930 со мной произошел следующий случай, имеющий отношение к биографии Агнес: партия организовала тогда большую выставку на Потсдамской площади. Мне было поручено продавать книги. Джон Хартфильд взял на себя художественное оформление павильона. Каждый вечер там выступали наши пропагандисты. Выставка экспонировалась в течение четырех недель с 14 до 22 часов.

Когда к моему прилавку подошли два индуса, мне захотелось продать им книгу Агнес Смедли «Одинокая женщина», и я рассказала им содержание книги.

Особенно подробно я остановилась на истории брака Агнес с одним индусом, с которым она впоследствии разошлась. Старший из индусов кивнул: «Все правильно, я тот индус, который был женат на Агнес».

Я знала, что Агнес работает в Китае корреспонденткой

буржуазной газеты «Франкфуртер цейтунг», однако придерживается значительно более левых взглядов. Мне очень хотелось с ней познакомиться, но я стеснялась подступиться к такой для меня крупной личности.

Когда Плаут узнал о моем желании, он связал меня с ней по телефону. Вспоминаю, что мы договорились встретиться на следующий день и я нарисовала ей по телефону свой портрет: «Двадцать три года, рост один метр семьдесят, очень темные волосы и большой нос». Она расхохоталась и отпарировала; «Тридцать четыре года, среднего роста, особых примет нет». Следующий день было 7 ноября – 13-я годовщина русской революции. Я купила для дома красные розы, чтобы хоть что-то напоминало мне об этом дне. Как чудесно мы всегда праздновали 7 Ноября в Коммунистическом союзе молодежи! Мы договорились о встрече в центре города и сразу же узнали друг друга. Агнес держала в руках букет красных роз, похожий на тот, что стоял у меня дома. Она хотела подарить его представителю ТАСС по случаю 7 Ноября. Если не ошибаюсь, мы сидели в кафе. Агнес подробно меня расспрашивала, и поскольку я узнала ее взгляды и очень ей симпатизировала, то впервые после прибытия в Шанхай я не стала делать тайны из своего мировоззрения. Я упомянула, что очень страдаю от своей изоляции, но не просила ее помочь мне установить контакты, поскольку не знала, коммунистка она или нет. Родителям я об этой встрече писала:

10 ноября 1930 года

«…Агнес выглядит как интеллигентная работница. Просто одета, редкие каштановые волосы, очень живые, большие темно-зеленые глаза, отнюдь не красавица, но черты лица правильные. Когда она отбрасывает волосы назад, виден большой, выступающий вперед лоб. Ей здесь нелегко. Европейцы ее не приемлют, поскольку она их глубоко оскорбила. По случаю ее приезда американский клуб с феодальными замашками устроил чай. Агнес пришла и, интересуясь всем, что имеет отношение к Китаю, спросила, есть ли здесь кто-либо из китайцев. «Нет, – ответили ей, – среди членов клуба китайцев нет». «А среди гостей?» – спросила она. Ответ: «Китайцам не разрешено посещать клуб». После этого она поднялась и ушла.

Англичане ее ненавидят, так как в прошлом она принимала участие в революционном движении в Индии.

Китайцы также следят за каждым ее шагом, хотя она действительно является здесь корреспонденткой «Франкфуртер цейтунг».

Мы стали с Агнес большими друзьями. Не проходило, пожалуй, дня, когда бы мы не встречались или не беседовали по телефону.

12 ноября 1930 года

«Вечером в воскресенье мы заехали к Агнес домой. Я набросилась на ее библиотеку немецкой, английской, индий-

ской, китайской литературы. Потом мы пошли поесть с ней и еще с двумя китайскими друзьями в китайский ресторан. Один из них работает преподавателем китайской литературы в школе, другой – ее секретарем».

Секретарь Агнес впоследствии был длительное время соратником писательницы Дин Лин. Я также познакомилась с Дин Лин и полюбила ее. Длительное время она была в китайской Красной армии. Когда я с ней повстречалась, она вела активную работу во вновь созданном Союзе писателей, стоящем на левых позициях. О рождестве 1930 года я писала:

«В 10 часов вечера мы с Агнес поехали в китайский театр. Мейланфань – самый знаменитый китайский актер, гастролирует в Шанхае.

Для меня это было откровение. Он играл женские роли. Трудно описать, насколько он выглядел на сцене очаровательным и грациозным. Потребовалось некоторое время, чтобы преодолеть мысль о том, что так играет мужчина… Затем были подарки: книги – Горький «Рождение человека»; Мюллер «Если мы в 1918 г.»; Эренбург «Рожденье автомобиля»; Сейфуллина «Виринея»; «Избранные китайские новеллы»; Эрих Кестнер «Человек дает справку»; календарь искусства Пипера; Кон-Винер «Азия»; Стендаль «Пармская обитель»; Перкхаммер «Китай»; Хаузенштейн «Современное искусство»; Андре Моро «Бирон»; Рильке, сборник сти-

хотворений; Джон Дос-Пасос «42-я параллель».

6 января 1931 года

«…Наша библиотека совершенно неожиданно пополнилась пятью книгами издательства Малика, чему мы очень обрадовались. Агнес попросила меня проаннотировать эти пять книг для одного журнала, и за это мне было позволено оставить их для себя».

О журнале и его издателях я никаких подробностей домой не сообщала. В то время он назывался «Поток». Его издавал китайский поэт Лю Сун. Журнал вынужден был часто менять свое название или мог выходить только нелегально. Я и в дальнейшем писала в этот журнал, разумеется под псевдонимом. Припоминаю лишь одну свою статью под названием «Кисть и перо в руках немецких рабочих». Речь шла о рабочих – писателях и художниках двадцатых годов.

Я часто бывала в доме у Лю Суна, где он жил со своей молодой женой и маленьким сыном.

Лю Суна, родившегося в 1881 году, называли китайским Горьким. Как и Горький, он писал о простых людях, их величии и их страданиях. Любопытно, что и внешне он был похож на Горького. У него было тонко очерченное, бледное, нервное лицо. Уже тогда он страдал легочным заболеванием и умер в 1936 году от туберкулеза.

Лю Сун жил очень скромно. Я как-то принесла его трехлетнему малышу деревянную утку на колесиках, отец был

очень тронут и постоянно говорил, что подарок чудесный. Лю Сун хотел издать книгу рисунков Кетэ Кольвиц. Я помогала ему доставать эти рисунки. Впоследствии он подарил мне один экземпляр с дружеским посвящением. Поскольку я высоко ценила творчество Кетэ Кольвиц и с большим уважением относилась к Лю Суну, этот подарок был мне вдвойне дорог. В суматохе последующих военных лет он где-то затерялся.

14 января 1931 года

«Вчера я весь день занималась переводом для «Франкфуртер цейтунг» данной мне Агнес статьи объемом семь машинописных страниц. Статья о крестьянах и Красной армии в Китае. Она попросила меня об этом, поскольку в первом варианте переводчик наделал очень много политических ошибок».

В первый период нашего знакомства, которое для меня очень много значило, я не могла понять, почему личность такого масштаба, как Агнес, часто и охотно со мной встречается, почему она относится ко мне столь доверительно.

Агнес была одинока. За ее плечами лежала трудная жизнь, заполненная революционной борьбой. Я была коммунистка, но я выросла в условиях материального благополучия, ожидала сейчас своего первого ребенка, чему была очень рада, жила обеспеченно и без забот. К тому же я была много моложе Агнес и еще очень неопытна.

Агнес обладала выдающимися качествами. В своих книгах она выступала на стороне китайского народа. Она многим пожертвовала ради освободительной борьбы в Китае. В то же время настроение ее часто менялось, подчас она была весела, заражала всех окружающих своим юмором, но еще чаще пребывала в подавленном, мрачном настроении, которое сказывалось на ее здоровье. Возможно, ей нужны были моя уравновешенность и мой оптимизм. Кроме того, я всегда была к ее услугам. Если она чувствовала одиночество, я ее навещала. Если ее угнетала депрессия, она могла позвонить мне в три часа ночи, я вставала и шла к ней. Вскоре после начала нашей дружбы Агнес сказала мне, что по своим взглядам и делам она с нами, но ей слишком сложно подчиняться нашей партийной дисциплине.

Возможно, что во времена нелегальной борьбы она не хотела даже мне признаваться в своей принадлежности к партии. Но мне думается, что она говорила правду. Я боготворила Агнес. Мало было людей, которые бы сделали столь много для моего развития. Однако я с ней не соглашалась, когда ее неожиданные, эмоциональные оценки развития политической ситуации приобретали расплывчатый характер. Мы спорили, и она уходила разгневанная. Проходило несколько часов, и она звонила мне, как будто бы ничего не произошло, и я была рада ее вновь хорошему отношению ко мне.

В своей книге «Китай побеждает» она пишет, что всегда питала симпатии к коммунистам и активно их поддерживала

в Китае, но никогда не была членом партии. Книга вышла в издательстве Виктора Голланса.

Через много лет я вновь прочитала ее книги. Я пришла к выводу, что «Одинокая женщина» в значительно большей мере, чем это было мне ясно в молодости, отмечена печатью ее озлобленности, неустойчивости и стихийности поступков.

Домой я писала:

19 марта 1931 года

«…Ты спрашиваешь о друзьях. Их у нас немного, но зато бессчетно много знакомых. Среди всех друзей особое место занимает, разумеется, Агнес…»

4 октября 1931 года

«…Агнес переселилась в собственную двухкомнатную квартиру в большом доме с апартаментами, расположенном всего лишь в двух минутах ходьбы от нас, чему мы очень рады. Рольф обставляет квартиру, проектирует мебель и т. д. Разумеется, все должно быть скромным, однако его наброски многое обещают».

6 марта 1932 года

«…Агнес опять плохо себя чувствует; на следующей неделе она ляжет в госпиталь, где ей начнут делать необходимые для сердца уколы и процедуры. Главное заболевание – невроз. Она слишком поглощена новой книгой, которую наме-

ревается написать. Книга – о Китае. В ней предстанет много наших общих друзей; мы часто об этом говорим. Большего я раскрывать не имею права, думаю, что книга будет замечательной. Последние две ночи я спала рядом с ней: она лучше себя чувствует, если на ночь кто-либо остается с ней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.